

На правах рукописи

Надыршина Лейсан Радифовна

**ТАТАРСКАЯ ПОЭМА НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Диссертация выполнена на кафедре методики преподавания
и современной татарской литературы ГОУ ВПО
«Казанский государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Галиуллин Талгат Набиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Сайфуллина Флера Сагитовна

кандидат филологических наук
Рахмани Равиль Файзрахманович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Татарский государственный
гуманитарно-педагогический
университет»

Защита диссертации состоится «24» сентября 2009 г. в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевского, д. 18, корп.2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского государственного университета: <http://www.ksu.ru>

Автореферат разослан « » августа 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук, доцент

А. Ш. Юсупова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В начале XX века в татарской литературе обнаруживается многообразие жанровых форм, обусловленное культурно-историческим контекстом: ростом национального самосознания, формированием новой татарской интеллигенции, активизацией диалога с русской и западноевропейской культурами. В своем творчестве татарские писатели начала прошлого столетия обращаются не только к традиционным жанрам, но и к новым жанровым формам (например, к роману европейского типа), становление которых связано с усвоением художественного опыта других литератур. Вместе с тем, и традиционные (канонические) жанры претерпевают изменения в условиях становления нового типа художественного сознания и «полилога культурных традиций» (Ю. Нигматуллина).

Актуальность работы состоит в том, что в современном литературоведении значительный интерес представляет проблема взаимодействия различных художественных парадигм. В татарской литературе начала XX века, переживающей период ускоренного развития, взаимодействуют самые разные методы: просветительский реализм, критический реализм, романтизм, модернизм. Изучение процессов этого взаимодействия в разных жанровых формах дает возможность судить об особенностях литературного процесса в целом.

Состояние изученности темы. В исследованиях татарских ученых в различное время рассматривались некоторые аспекты развития жанра поэмы в татарской литературе начала XX века. В большинстве работ произведения этого жанра либо вписывались в контекст развития татарской литературы в целом, либо исследовались в творчестве отдельных писателей¹. Специальных исследований,

¹ Госман Х. Шигърият гомере / Х. Госман. – Казан, 1978; Халит Г. М. Кешегә һәм чынлыкка мәхәббәт белән / Г. М. Халит. – Казан, 1975; Халит Г. Яңа гасыр поэзиясе / Г. Халит. – Казан, 1979; Нуруллин И. З. XX йөз башы татар әдәбияты / И. З. Нуруллин. – Казан, 1982; Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века / М. Гайнуллин. – Казань, 1983; Ганиева Р. К. Сатирическое творчество Г. Тукая / Р. К. Ганиева. – Казань, 1964; Галиуллин Т. Н. Шәехзадә Бабиç – сатира остасы / Т. Н. Галиуллин // Т. Н. Галиуллин // Дәгъва. – Казан, 1995. – Б. 246-255; Ганиева Р. К. Романтические мотивы творчества Шәехзаде Бабиç / Р. К. Ганиева // Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань, 2002. – С. 132-135;

посвященных системному изучению этого жанра, его места в жанровой системе татарской поэзии начала прошлого столетия, к настоящему моменту не создано.

Научная новизна работы состоит в системном исследовании жанра поэмы и его типологии в татарской литературе начала XX века. Жанр поэмы рассматривается нами в контексте литературного движения эпохи, в котором обнаруживаются различные тенденции: романтическая, реалистическая, модернистская. В исследовании ставится вопрос о влиянии парадигмы художественности на поэтику жанра.

Цель работы – системное исследование татарской поэмы начала XX века в культурно-историческом и историко-литературном контекстах.

Поставленная цель предполагает решение **следующих задач**:

- определение традиций и новаторства в развитии жанра поэмы в начале XX века в различных художественных системах: реализме, романтизме, модернизме;
- создание и обоснование типологии татарской поэмы начала XX века;
- определение жанрового инварианта и его индивидуальных проявлений в рамках различных художественных систем.

Теоретической основой данного диссертационного исследования послужили труды М. Бахтина, Ю. Лотмана, А. Веселовского, Б. Кормана, В. Бранского, В. Быстрова, М. Воскресенской, А. Бертельса, А. Шиммель, Е. Мелетинского, М. Гайнуллина, И. Нуруллина, Г. Халита, Х. Усманова, Ю. Нигматуллиной, Т. Галиуллина, Р. Ганиевой, Н. Хисамова, Д. Загидуллиной, Т. Гилязова и др.²

Гафиятуллина Н. М. XX йөз башы татар шигъриятендә модернистик эзләнүләр / Н. М. Гафиятуллина // Фәнни язмалар – 2003. – Казань, 2004; Загидуллина Д. Ф. Шәехзадә Бабичның ижат юлы: мәгърифәтчелектән шартлы сурәткә таба / Д. Ф. Загидуллина // Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. – Казан, 2005. – Б. 159-163; Загидуллина Д. Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография / Д. Ф. Загидуллина. – Казан, 2006; Яхин Ф. З. XX йөз башы эпик шигърияте / Ф. З. Яхин // Эпик шигърият: XX йөз башы. – Казан, 2002.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М., 1975; Бахтин М. М. Эстетика словесного искусства / М. М. Бахтин. – М., 1986; Лотман Ю. М. Беседы о русской литературе / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994; Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М., 1989; Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – М., 1972; Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного

Методика исследования. В работе используется системный метод, в рамках которого применяется контекстный подход: определяется влияние контекстов (культурно-исторического и историко-литературного) на развитие жанра поэмы как системы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В татарской литературе начала XX века под влиянием культурно-исторических процессов складывается новый тип художественного сознания, одним из проявлений которого становится деканонизация жанров, становление неканонических жанровых форм;

2. В рамках реалистической парадигмы художественности в татарской поэме, сохраняющей связь с традициями просветительского реализма, усиливается критическое (поэмы З. Башири, Я. Мамишева, К. Хаммадова, Х. Усадовой) и сатирическое (поэмы Г. Тукая, Ш. Бабича, Г. Гайнуллина-Чокалы, Х. Исхаки) начала;

произведения на примере истории живописи / В. П. Бранский. – Калининград, 1999; Быстров В. Н. Идея преображения мира у русских символистов (Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок): Дис. ... д-ра филол. наук / В. Н. Быстров. – СПб, 2004; Воскресенская М. А. Символизм как миропонимание Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков / М. А. Воскресенская. – М., 2005; Бертельс А. Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение) / А. Е. Бертельс. – М., 1997; Шиммель А. Мир исламского мистицизма / А. Шиммель. – М., 2000; Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика» / Е. М. Мелетинский. – М., 2001; Нуруллин И. З. XX йөз башы татар әдәбияты / И. З. Нуруллин. – Казан, 1982; Халит Г. Многоликая лирика / Г. Халит. – Казань, 1990; Госман Х. Бөек Октябрь революциясе һәм гражданнар сугышы чорында татар поэзиясе / Х. Госман. – Казан, 1960; Госман Х. Шигърият гомере / Х. Госман. – Казан, 1978; Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань, 1997; Галиуллин Т. Н. Шәехзадә Бабич – сатира остасы / Т. Н. Галиуллин // Дәгъва. – Казан, 1995. – Б. 246-255; Галиуллин Т. Н. Милли үзәк һәм шигърият / Т. Н. Галиуллин // Татар теле, әдәбияты, тарихы – үткәне һәм бүгенгесе. – Казан, 2000. – Б. 64-69; Ганиева Р. К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р. К. Ганиева. – Казань, 2002; Хисамов Н. Ш. Хәтер сагында: Әдәби-фәнни мәкаләләр, ижат портретлары һәм публицистика / Н. Ш. Хисамов. – Казан, 2004; Заһидуллина Д. Ф. Әдәбият кануннары һәм заман (Татар әдәби нәзариясенен барлыкка килүе һәм үсеш баскычлары) / Д. Ф. Заһидуллина. – Казан, 2000; Заһидуллина Д. Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д. Ф. Заһидуллина. – Казан, 2003; Заһидуллина Д. Ф. Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов, Т. Ш. Гыйләжев. – Казан, 2004; Әдәбият белеме: Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан, 2007; Гыйләжев Т. Ш. XX йөз башы татар әдәбияты тарихын укуга мәсьәләләр: Методик кулланма / Т. Ш. Гыйләжев. – Казан, 2002; Гыйләжев Т. Ш. Татар әдәбияты. XX гасыр башы: лекцияләр, гамәли дәрәсләр, тестлар: югары уку йортлары өчен уку әсбабы / Т. Ш. Гыйләжев. – Казан, 2007.

3. Качественные изменения романтических поэм обусловлены становлением особой романтической парадигмы – «романтизма идей», что нашло отражение в тематике поэм, их пафосе, поэтике. В романтических поэмах начала XX века любовные коллизии, традиционные для этой жанровой разновидности, уступают место социальным: герой поэм все чаще изображается в своих социальных проявлениях;

4. Становление модернистской парадигмы в татарской поэзии начала XX века обнаруживается как на уровне поэтики поэм (обращение к мифологическим образам и сюжетам в новой функции, нечеткость, размытость границ между мифом и «реальностью»), так и на содержательном уровне: рецепция модернистских концепций и их художественное воплощение (например, ницшеанской концепции о «сверхчеловеке», в поэме Н. Думави «Шәрык даһие» («Гений Востока»); появление экзистенциальных мотивов (конечности бытия, бренности всего сущего) в произведениях Ф. Ибрагимова, Б. Мирзанова, Н. Исанбета, С. Сунчалая.

Научно-практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов, семинарских и практических занятий по истории татарской литературы XX века, а также в рамках спецкурсов по проблеме жанра.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в выступлениях и докладах на итоговых конференциях Казанского государственного университета (2007, 2008), на международной научно-практической конференции «Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений» (Стерлитамак, 2008), на международном симпозиуме «Языковые контакты Поволжья» (Казань, 2008), на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы изучения и преподавания татарской литературы» (Елабуга, 2009). Основные результаты и положения исследования изложены в 7 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, его теоретико-методологическая база, методика анализа, характеризуется состояние изученности проблемы, излагается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Традиционная татарская поэма и ее развитие» состоит из двух разделов.

В первом разделе *«Эволюция реалистического направления в татарских поэмах начала XX века»* исследуются реалистические поэмы в татарской литературе начала XX века.

В ситуации «полилога культурных традиций» в татарской литературе начала XX века параллельно развиваются и взаимодействуют различные творческие методы: просветительский реализм, романтизм, критический реализм, модернизм.

По мнению Ю. Г. Нигматуллиной, «метод просветительского реализма отличается двуплановостью, сосуществованием реалистического и идеального начала в рамках одного произведения. Реалистическое – в критике, разоблачении невежества как социального зла, в обусловленности характеров героев общественной средой. «Идеальное» – в поэтизации разума, интеллекта, знаний, в абсолютизации роли общественного мнения»³.

Данная оппозиция обнаруживается в целом ряде поэм, в которых на первый план выходит противопоставление просвещения и безграмотности как, например, в поэме Я. Мамишева «Көннеке карт» («Батрак»), где в качестве причины бедственного положения героя выступает его необразованность: *Бу жәзалар бар да аңа, / Укымаудан яш чыгын. / Һөнәр кеби зур байлыкны / Өйрәнмәде ул тагын. (Эти наказания все ему / От того, что не учился в молодости. / И богатство ремесла / Не освоил он)*⁴. Поэма содержит дидактическое начало: автор неоднократно обращается к читателю с наставлениями, в которых выражается идея произведения.

В поэме К. Хаммадова «Күмелгән зәкявәт» («Погубленное счастье») просветительский модус раскрывается через оппозицию

³ Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань: ФЭН, 1997. – С. 110.

⁴ Здесь и далее подстрочный перевод автора.

старое – новое. На примере судьбы героя поэмы ее автор подводит читателя к обобщениям социального характера о пагубном влиянии старых порядков на прогрессивные идеи. К. Хаммадов использует ряд интересных приемов для раскрытия идеи поэмы, например, пейзаж и сновидение героя, как способ раскрытия его душевных переживаний.

Татарская литература просветительского реализма стала источником для формирования метода критического реализма, который развивался во взаимодействии с просветительским направлением.

В поэмах, созданных в русле критического реализма, характерная для просветительского реализма двуплановость осложняется социальной типизацией, углублением психологизма, обогащением системы характерологических детерминант: писатели открывают социальные и экономические факторы, определяющие характеры героев.

Одним из примеров такого взаимодействия художественных тенденций является поэма Я. Мамишева «Моңлы хатын Бибилайшә» («Печальная Бибилайша»), в которой критическое отношение к современной действительности сопрягается с социальной типизацией: автор в образе героини поэмы воплотил национальный художественный тип «матери нации» («милләт анасы»).

Еще один пример синтеза просветительских и критических тенденций, рассмотренный в данном разделе, – поэма Х. Усадовой «Саф күңел» («Чистая душа»). В ней поднимается традиционная для татарской литературы начала XX века проблема судьбы татарской женщины. Основная идея поэмы раскрывается в монологе насильно выданной замуж героини, которая причину своего несчастья видит в невозможности получить светское образование. Судьба героини становится своего рода основой для дидактического обращения к читателю в конце поэмы: *Уку кирәк һәркемгә: / Хатын-кызларга, ирләргә, / Тырышыгыз укырга / Барып ерак эчирләргә. / Вакыт җиткән укырга, / Туташларым, безгә дә, / Күптән вакыт бит җиткән, / Яшь егетләр, сезгә дә. (Учиться нужно каждому, / И женщинам, и мужчинам, / Старайтесь учиться, / В дальних краях. / Пришло время учиться, / И вам, молодые девушки, / И вам, молодые парни).*

Значительный интерес с точки зрения способа художественной реализации идеи произведения представляет поэма З. Башири

«Поезд», в которой идеал, понимаемый как обновление жизни нации, воплощен в символическом образе поезда, которому противопоставляется образ вьюги как символ современного состояния татарского народа, критически оцениваемого автором поэмы.

Сатирическое начало широко представлено в творчестве татарских писателей начала прошлого столетия в разных жанрах литературы, в том числе, и в поэмах.

В данном разделе нами были выявлены типические черты сатирической поэмы на основе изучения поэм Г. Тукая, Ш. Бабича, Г. Гайнуллина-Чокалы, Х. Исхаки.

В сатирических поэмах начала XX века авторы высмеивают негативные стороны национальной действительности. Способы и приемы выражения сатирического отношения оказываются различными.

Так, например, в поэме Г. Гайнуллина-Чокалы «Биш мужик» («Пять мужиков») художественная идея раскрывается через социальную типизацию (в основе рассказа каждого из пяти мужиков сатирически изображенная типическая ситуация). Поэт высмеивает такие черты татарского народа, как беспечность, невежество, вера во всякие сверхъестественные силы. Авторская позиция включает в себя не только сатирическое отношение, но и глубокие раздумья о причинах изображенных социальных пороков.

В другой своей поэме «Надан ата» («Безграмотный отец») Г. Гайнуллин-Чокалы сатирически изображает столкновение нового и старого мышления через конфликт невежественного отца и стремящегося к просвещению сына.

Поэма «Шәкерт һәм хәзрәт вакыйгасы» («История шакирда и хазрата») Х. Исхаки высмеивает религиозный фанатизм в лице сельского муллы.

Вершинными произведениями, написанными в жанре сатирической поэмы, стали произведения Г. Тукая и Ш. Бабича.

Сатирические произведения Г. Тукая всесторонне исследованы татарскими учеными. Поэма Г. Тукая «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» («Сенный базар, или Новый Кисекбаш») представляет интерес с точки зрения использования автором традиционного сюжета для выражения сатирического начала. Сюжет о Кисекбаше становится основой для высмеивания различных социальных групп татарского общества. Социальный идеал поэта выражается через «антиидеал», представленный гротескным образом Кисекбаша.

Сатирические традиции Г. Тукая были развиты в поэмах Ш. Бабича. Поэма «Кандала» («Клоп»), вырастая из реалистического и романтического мировосприятия, обогащается и условными элементами. Образ клопа, являясь символом, может интерпретироваться по-разному. Ясно одно: поэма создана в годы Первой Мировой войны, что делает глубже его социальное звучание и дает возможность проведения параллели между сюжетом произведения и реальными событиями.

Во втором разделе **«Романтические поэмы в татарской литературе начала XX века»** исследуется жанровое своеобразие романтических поэм.

В татарской литературе начала XX века складывается новая романтическая парадигма, в которой взаимодействуют различные типы романтического отношения к действительности: традиции средневековой романтической поэзии Востока («восточный романтизм»), связанный с интересом к русской поэзии и, в частности, к творчеству М. Ю. Лермонтова «байронический» романтизм, наконец, «романтизм идей». «Романтизм в татарской поэзии начала XX века, – пишет Ю. Нигматуллина, – в целом имел просветительский характер, это был «романтизм идей». В романтической форме (форме романтической образности – символизации, поэтизации героического, романтического лиризма, особой интонационной напряженности его выражения, использовании традиционных романтических образов восточной и русской литературы и т. д.) преподносились идеи национального освобождения, осознания будущего татарского народа»⁵. «Романтизм идей», таким образом, стал своего рода синтетической формой, в которой соединялись различные романтические тенденции. Синтез этих тенденций по-разному осуществлялся в поэмах татарских поэтов начала XX века.

Так, например, в поэмах Ф. Бурнаша «Казакъ кызы» («Казахская девушка»), «Дулкыннар арасында» («Среди волн») обнаруживается синтез «восточного романтизма» и романтизма европейского («байронического») типа. Идеи национальной свободы в поэме «Среди волн» раскрывается через изображение героя-бунтаря, чьи переживания составляют основу произведения. В них на первое место

⁵ Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур / Ю. Г. Нигматуллина. – Казань: ФЭН, 1997. – С. 117.

выходит оппозиция прошлого и настоящего: мысль о том, что великое прошлое уже не вернуть, а будущее невозможно сделать гармоничнее, лежит в основе конфликта произведения, который можно определить как фаталистический конфликт личности и судьбы.

Влияние традиций «восточного романтизма» обнаруживается на уровне поэтики произведений. Например, основу сюжета поэмы «Среди волн» составляют восходящие к сюжетам восточных поэм любовные коллизии; автор обращается к традиционным фольклорным образам, в частности, к образу Хызыр Ильяса.

В поэме «Казакъ кызы» восходящее к традициям «восточного романтизма» описание природы (*«Моңсу тынлык... Сандугачлар сайрамыйлар, / Пырылдашып кунар урын сайламыйлар / Тын чабында... Ыч берәү юк... Яшь егетләр, / Тавыш биреп, парлап чалгы кайрамыйлар / Яшереним, дип, алтын кояш Каф тавына, / Кача-кача иңә урман артларына»* – «Грустная тишина... И соловьи не поют, / Не ищут себе места, / Тихо на лугу... Никого нет... Молодые парни, / Не точат звонко косы. / Солнце, желая спрятаться за гору Каф, / Прячась, заходит за леса»), включающее традиционные восточные образы (образ соловья) и мотивы (мотив тишины), соединяется с символикой ночи, которая, с одной стороны, приобретает экзистенциальную семантику (подчеркивает трагизм человеческого бытия), с другой – социальную (проводится параллель между ночью и жизнью нации в эпоху перемен).

В поэмах «Айсылу» и «Габдельман» поэтическая идея связана с представлениями об идеальном человеке, который, по мнению автора, должен посвятить свою жизнь служению нации, народу.

Героиня первой поэмы, с малых лет воспитывавшаяся среди русских, пробуждается от многолетнего сна и отправляется на поиски своих корней. Напротив, Габдельман, герой второй поэмы, изображается как человек, забывающий о национальных ценностях и, в конечном итоге, расплачивающийся за это своей жизнью.

Просветительская доминанта в «романтизме идей» по-разному проявляется в поэтике поэм. Противопоставление «идеального» и «реального» может раскрываться через оппозицию прошлого и настоящего, фантастического и «реального».

В романтических поэмах начала XX века их авторы часто обращались к национальной мифологии и историческому прошлому,

к легендарным и историческим лицам: Сююмбеки, Чингисхану, Чура батыру и др. Интерес к мифологии и истории – одна из особенностей литературного процесса начала прошлого столетия, когда писатели, художественно воссоздавая историческое прошлое, зачастую идеализировали его как время независимости и соотносили с современностью.

Например, в поэме К. Юлдашева «Чура батыр» используется сюжет известного дастана, в котором, по мнению исследователей, ключевой темой является история падения Казанского ханства⁶. В образе легендарного эпического богатыря автор воплощает национальный идеал, в котором на первое место выходит идея героического служения своему народу.

В поэме Б. Мирзанова «Инкыйлаб» («Революция») поэтическая идея раскрывается через обращение автора к фантастике: поэт создает образ идеального подводного мира, противопоставленного действительности.

Значительный интерес представляют поэмы поэтов, в чьем творчестве взаимодействуют различные художественные тенденции, как, например, поэмы Г. Рахима «Баллада» и «Яу» («Орда»).

Герой поэмы «Баллада» стремится к идеальному, красоте, символом которых выступает Девушка. Поэтическая идея раскрывается через ряд бинарных оппозиций: небо-земля, мечта-действительность, жизнь-смерть. В описании Девушки обнаруживаются характерные для восточной поэзии образы (образы драгоценных камней, золота): *Баскыч буйлап моңар таба югарыдан төшә бер кыз. Мәхәббәтле караш белән карый моңар бу матур кыз. Кигән киеме бу гүзәлнең һава кебек зәңгәр атластан, алтын таҗсы башындагы, тукылган якут-алмастан. (По лестнице сверху спускается к нему девушка одна. Смотрит на него взглядом, полным любви. Одежда на ней из голубого, словно небеса, атласа, золотая корона на голове украшена рубинами и бриллиантами).* В образе-символе Девушки воплощена идея красоты, как безусловной ценности, способной преобразить окружающий мир.

В поэме «Яу» художественная концепция раскрывается в условно-символической форме. Примечательно, что символические образы у

⁶ См.: Ибраһимова Л. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны / Л. Ибраһимова. – Казан: Фикер, 2002.

Г. Рахима зачастую приобретают философское, экзистенциальное звучание, как, например, образ степи, выступающий как символ памяти, связующего моста между прошлым, когда гремели бои, погибали люди – рабы тщеславия, и настоящим, где никто об этих войнах не помнит и не думает о неизбежном конце. Мысль о конечности всякого существования отражена в образе Вечного Странника: *Алмый искә үләсен, юлчы һаман алга бара, / Аның арты баш сәякләр көлеп-ыржаеп кала (Не думая о смерти, странник идет вперед, / За ним смеясь-оскалясь остаются только черепа).*

Вторая глава «Новые искания в татарских поэмах начала XX века» посвящена изучению влияния модернизма на татарскую лиро-эпику.

В рамках модернистской парадигмы в татарской литературе начала XX века получили развитие несколько течений: символизм, экзистенциализм, импрессионизм, позднее – футуризм (А. Кутуй), имажинизм (К. Наджми). Наиболее заметными явлениями в рамках модернизма стали символизм и экзистенциализм, что обусловило структуру второй главы.

В первом разделе **«Влияние символизма на татарские поэмы начала XX века»** анализируется поэтика поэм Ш. Бабица («Газазил» («Демон»)), М. Гафури («Адәм вә Иблис» («Адам и Демон»)), Г. Сунгати («Хозыр» («Старик»)), «Су анасы» («Водяная»)), Г. Хариса («Өрәк» («Приведение»)), Н. Думави («Шәрәк даһие» («Гений Востока»)).

Одной из особенностью этих поэм является мифологизм: в основе их сюжетов – традиционные татарские мифы (как языческие, так и сложившиеся в исламской мифологии).

В большинстве из этих поэм авторы создают модель «антижанра». Беря за основу традиционные формы тюрко-татарской поэзии, писатели наполняют их противоположным по сравнению с исходным жанром содержанием, причем возможны две стратегии создания «антижанра»: пародийная и непародийная⁷.

Поэмы Ш. Бабица «Газазил» и М. Гафури «Адәм вә Иблис» – образцы пародийного антижанра, а «Хозыр» Г. Сунгати, «Өрәк» Г. Хариса – серьезного.

⁷ Давыдова Т., Пронин В. Теория литературы: Учебное пособие / Т. Давыдова, В. Пронин. – М.: Логос, 2003. – С. 60-63.

Ш. Бабич в своей поэме «Газазил», обращаясь к известному мифологическому сюжету изгнания Демона с небес, выражает свое сатирическое отношение к явлениям современной действительности. Художественная идея поэмы, состоящая в том, что стремление к власти осмысливается как порок, приобретает комическое звучание, причем комизм усиливается именно за счет соединения несоединимого: хоровое исполнение «Марсельезы» бесами, благодарственная речь «избранного», жонглирование флагами.

В основе сюжета поэмы Г. Сунгати «Хозыр» («Старик») – известный миф о Хызыр Ильясе, одной из функций которого в исламской мифологии является покровительство путникам. Мифологический контекст поэмы (Хызыр помогает сбившемуся с пути герою), соединяется с философским (путь выступает в поэме как символический образ, как символ человеческой жизни) и социальным (образы бурана, вьюги, символизирующие катастрофичность бытия: *Менә ачы буран башланды, / Күрәсең бит: күз дә ачып булмый, / Жиле ничек уйнап сызгыра, / Кыямәтме, бәбкәм, әй Ходаем, / Бәтен юлга буран туздыра.* / (Вот начался буран / Видишь же: глаза даже не открыть / Как ветер играя, свистит / Не ад ли это, дитя, о Боже / На всем пути метет буран).

Обращает на себя внимание изменение традиционного для татарской мифологии изображения Хызыра: в большинстве случаев этот мифологический персонаж, соотносимый с архетипом мудрого старика, изображается как седой старец с посохом, в то время как у Сунгати Хызыр предстает в совсем другом облике (в лохмотьях, с безжизненным лицом, хранящим отпечатки пережитых потерь).

В татарской литературе начала XX века авторы зачастую обращались к историческому прошлому, представляя своего рода мифологизированное видение истории. Эта тенденция обнаруживается в произведениях различных жанров, в том числе, и в поэмах.

В поэме Н. Думави «Шәрык даһие» («Гений Востока») мифологизируется личность Чингисхана, который выступает как символ мужества, силы, свободы. Для раскрытия поэтической идеи поэмы автор использует ряд традиционных символических образов, в частности, образ солнца, который в восточных литературах часто используется для идеализации героев. Идеализируя Чингисхана, Н. Думави в то же время утверждает мысль о том, что ни одна личность не может овладеть бесконечной властью: *Дөнья зур,*

фәкать, Чыңгыз, мин дә анда / Падишаһлык кыла алмыймын бер заманда. / Күрәмсең, алмаш-тилмәш хәкем итәм / Бер анда, җир астында, бер монда (Мир велик, но, Чингиз, и я в нем / Не могу царствовать одновременно. / Видишь: управляю поочередно, / То там, в подземелье, то – тут).

Во втором разделе **«Экзистенциализм в татарских поэмах начала XX века»** анализируются произведения Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, С. Сунчалая, Г. Шарифи, и Ф. Ибрагимова, в которых обнаруживаются элементы экзистенциального сознания.

Характерные для экзистенциального сознания представления о бренности человеческой жизни, о конечности бытия проявляются в поэмах Ф. Бурнаша («Коркыт»), Н. Исанбета («Сукбай» («Бродяга»), «Качкын» («Беглый»)), С. Сунчалая («Сүнгән жан» («Угасшая душа»)), Б. Мирзанова («Сулган гөл» («Увядший цветок»)).

В поэме Ф. Бурнаша «Коркыт» основной становится идея неминуемой гибели любого человека. Всякая попытка главного героя избежать смерти заканчивается осознанием безысходности положения. В итоге, Коркыт понимает основной закон бытия: *Хәзер белдем: котылмак юк үлемнән (Сейчас узнал: нет спасения от смерти).*

Герои поэм Н. Исанбета «Сукбай» («Бродяга») и «Качкын» («Беглый») также приходят к мысли о неизбежности смерти, бессмысленности жизни.

В поэме «Сукбай» герой изображается на границе прошлого и настоящего. Вечный странник, ищущий свое счастье вдали от родины, герой остается один на один со своей печалью, понимая, что прошлое уже не вернуть, а счастья в будущем не обрести: *Әйттеләр: «Ил таишлаган бу», – дип мине! Яман сүз бу! / Бер баеп кайтмаммы дип йөрдем, һаман күңелдә сез! / Калмады мин ятмаган җир: бер казарма, төрмә дә, / Эзләдем бәхетне, аһ, тик тапмадым бер җирдә дә! (Сказали: «Родину он бросил!» Ужасное это слово! / Думал: вернусь однажды богатым, а в душе – вы! / Не осталось места, где бы я не был, ни одной казармы и ни одной тюрьмы. / Искал счастья, ах, только не нашел нигде!).*

В поэмах «Сүнгән жан» («Угасшая душа») С. Сунчалая и «Сулган гөл» («Увядший цветок») Б. Мирзанова сюжетной основой являются этапы эссенции и экзистенции главных героев. Если в первой поэме описывается печальное бытие девушки, так и не узнавшей счастья и

радости жизни, то вторая поэма повествует о сорванном цветке, что в символической трактовке предстает как символ красоты, что заставляет читателя задуматься о судьбе татарских девушек.

В поэмах Ф. Ибрагимова «Төш» («Сон») и «Гармун тавышы» («Звук гармонии») утверждается мысль об абсурдности и бессмысленности бытия.

В поэме «Сон» сновидение героя становится точкой оценки, переосмысления жизни, которая осмысливается как путь между жизнью и смертью.

Во второй поэме в жизненных перипетиях персонажей обнаруживаются экзистенциальные мотивы. Каждый из персонажей (потерявший надежду старик Ахмед; вдова, вспоминая о былом счастье и ничего не ждущая от будущего; насильно выданная замуж девушка) экзистенциально переживает собственную драму. В переживаниях четвертого героя на первое место выходит не личная драма, а трагизм бытия народа в целом: *Дөнья тетрәткән бөек дәүләт сүнә, / Эш һаман артка бара, төпкә бата, / Зур арсланнар бетәләр, күмәләр* (Угасает потрясшее весь мир государство, / Дела идут все назад, идут ко дну, / Могучие львы уходят, их хоронят) говорят уже не только о конце человеческой жизни, а об обреченности всего человечества.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные результаты:

1. В начале XX века татарская литература переживает обусловленный культурно-историческим контекстом период ускоренного развития, проявившийся в полилоге культурных традиций, во взаимодействии различных художественных парадигм, многообразии жанровых форм.

2. В поэмах начала XX века трансформируются восходящие к средневековой восточной поэме жанровые традиции, обнаруживается взаимодействие (синтез) различных художественных методов: просветительского и критического реализма, восточного романтизма и романтизма идей, романтизма и модернистских тенденций.

3. В реалистических поэмах начала XX века взаимодействуют просветительская и критическая тенденции. Формы такого взаимодействия различны, но, вместе с тем, инвариантной остается восходящая к художественной стратегии просветительского реализма оппозиция идеального и реального (произведения Я. Мамишева, Х. Усадовой, К. Хаммадова), осложненная критическим и сатирическим (поэмы Г. Тукая, Ш. Бабича, Х. Исхаки, Г. Гайнуллина-Чокалы) пафосом.

4. Синтез различных художественных традиций («восточного романтизма», романтизма европейского типа, «романтизма идей») обнаруживается и в романтических поэмах начала XX века. В произведениях Ф. Бурнаша, Г. Рахима, К. Юлдашева, Б. Мирзанова и др. используются приемы «восточного романтизма», но в то же время характерные для романтизма бинарные оппозиции приобретают социальное (Ф. Бурнаш) и историческое (К. Юлдашев, Б. Мирзанов) осмысление.

5. В ряде поэм начала XX века обнаруживается влияние модернистских течений: символизма и экзистенциализма. На уровне поэтики влияние модернизма проявляется, в частности, в мифологизме: авторы этих поэм (М. Гафури, Ш. Бабич, Г. Сунгати) обращаются к образам и сюжетам национальной мифологии, к историческим и легендарным героям, противопоставляя прошлое и настоящее, идеализируя прошлое и высказывая отношение к настоящему через его соотнесение с прошлым.

В ряде поэм Н. Исанбета, С. Сунчалая, Ф. Бурнаша, Б. Мирзанова, Ф. Ибрагимова обнаруживаются элементы экзистенциального сознания.

ния, выражаемого в мотивах безнадежности, смерти, непреодолимости трагизма бытия отдельного человека и всего народа.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом издании, утвержденном ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Хабибуллина Л. Р. Диалектика развития жанра поэмы в татарской литературе начала XX века / Л. Р. Хабибуллина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 8. – С. 83-89.

II. Статьи, опубликованные в сборниках и научных изданиях:

2. Хәбибуллина Л. Р. XX йөз башы татар поэмаларында мифологиянең урыны (Роль мифологии в татарских поэмах начала XX века) / Л. Р. Хәбибуллина // Ученые записки – 2007: сборник / Науч. ред. И. А. Гилязов. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – на тат. яз. – С. 289-295.

3. Хәбибуллина Л. Р. XX йөз башы татар поэмаларында мифологик образлар (Мифологические образы в татарских поэмах начала XX века) / Л. Р. Хәбибуллина // Фән һәм тел. – 2008. – №1. – Б. 26-29.

4. Хабибуллина Л. Р. Архетипический образ Старого Мудреца в татарских поэмах начала XX века / Л. Р. Хабибуллина // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений: Сб. материалов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 80-летию академика М. З. Закиева и 10-летию кафедры татарской и чувашской филологии, Россия, Республика Башкортостан, г.Стерлитамак, 18-20 сентября 2008 г. / Науч. ред. М. В. Зайнуллин; Отв. ред. И. С. Насипов; Зам. отв. ред. И. С. Мансуров. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Биишевой, 2008. – С. 267-268.

5. Хәбибуллина Л. Р. XX йөз башы татар поэмаларында символлар (Символы в татарских поэмах начала XX века) / Л. Р. Хәбибуллина // Фән һәм тел. – 2008. – №4. – Б. 26-29.

6. Хәбибуллина Л. Р. Ф. Бурнаш ижатында дөнья сурәте үзгәрү (Трансформация картины мира в творчестве Ф. Бурнаша) / Л. Р. Хәбибуллина // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях

глобализации: Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2-5 июля 2008 г. / Науч. ред. И. А. Гилязов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – На рус. и тат языках. – С. 398-401.

7. Надыршина Л. Р. XX йөз башы татар поэмаларында сызлану фәлсәфәсе (Экзистенциализм в татарских поэмах начала XX века) / Л. Р. Надыршина // Татар әдәбиятын өйрәнү һәм укыту: Бөтенрәсәй фәнни-гамәли конференция материаллары (13 май 2009). – Алабуга: АДПУ, 2009. – Б. 153-156.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
Подписано в печать 30.06.2009. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,25
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-18-09